

структуры, ориентированные на получение прибыли от инвестиций в промышленность Юга) руководствовались не только экономической выгодой, но и внешнеполитическими целями государства. В результате, впервые в истории фондового рынка не только США, но и Европы, здесь не удалось разместить ни одной ценной бумаги, выпущенной самым надёжным заёмщиком - государством, а ведущие державы Тройственного союза отказались от резанными от единственного надёжного источника внешнего финансирования - американского банковского сообщества.

Как пояснял в личном письме от 14 ноября 1914 г. Президенту Вильсону Дж. П. Морган-младший, в такой ситуации Германия была вынуждена либо соглашаться на любые условия кредитования, либо попытаться разрушить сложившуюся мировую экономическую систему, то есть развязать войну, «длительностью не более пяти-шести месяцев, достаточных для краха всей системы мировых финансов».

К июню 1914 г. иного выхода кроме как воевать у Германии не остаётся - завершается формирование своеобразного финансового англо-американского альянса: членам «внутренней группы» Моргана (а это прежде всего «немцы» - Кун, Лёб, Варбург, Шифф - предписано оставить посты в советах директоров частных коммерческих банков), банки должны были сообщать о всех переводах денежных средств в Германию, совершённых за истёкший день /3/, председатель арбитражного комитета Торговой палаты Чарлз Бернхаймер и Ф. Бегг, председатель Торговой палаты Соединённого королевства, подписали соглашение о создании общего золотого страхового фонда ... /4/.

1. Link A. The Papers of Woodrow Wilson. V. 22. P. 603 - 604.
2. The Morgans. P. 550 - 574.
3. The New York Times, 03.06.1914. P. 5 - 6.
4. The New York Times, 09.06.1914. P. 3.

Французские информационные системы в годы Первой мировой войны.

Первую мировую войну многие исследователи называют первой информационной войной. Триединство: информации, цензуры и пропаганды, конечно, не ново, так, влияние информации тесно слито с историей войн, начиная с античных времен. Но можно сказать, что именно это триединство приобретает в воюющих странах с августа 1914 г. особый смысл, так как появляются «информационные системы», продукт развития и функционирования власти, и это значительно больше того, что первоначально желали. В национальном плане политическое применение информации построено на необходимости активизировать общественные настроения в заинтересованности выигрыша войны: мобилизовать свои собственные национальные настроения на внутреннем фронте, чтобы они могли сохраняться в течение весьма продолжительной войны, преобразовывая появляющуюся информацию до такой степени, что можно даже говорить об «обработке мозгов»; мобилизовать путем разносторонней пропаганды общественное мнение за рубежом среди союзников и нейтралов, чтобы вначале получить сотрудничество с ними, а затем и вступление их в войну; воздействовать, а лучше деморализовать противника, его настроения путем манипулирования с проникающей к нему информацией. И должны быть выполнены всё-таки три условия: доверяет ли население цензурированной и подвергшейся манипулированию информации, каким бы ни было данным о противнике, об его подлинной политической и военной власти? Не искажают ли официальную информацию в плане «обработки мозгов»? В сущности, население верило только в то, что оно хотело услышать и строило своё пред-

ставление о войне, сознательно или бессознательно выработанное в соответствии со своей национальной культурой. Официальные цензура и пропаганда вызывают тошноту, либо уступают дорогу изощренным играм самоцензуры и стихийной пропаганде в деятельности социумов в военных условиях. Наконец, театр военных действий (передний край - тыл, внутренние фронты - заграничные фронты) и хронология определяют две переменчивые относительно друг друга величины значимости информации в общественном мнении. Начало боевых действий, капитуляция или сопротивление во время войны обусловлены различными обстоятельствами и приобретают разнообразный смысл. Моральный дух, иначе говоря, состояние общественных настроений на восточном и западном фронте не одинаково даже в одно и то же время - в начале войны, в разгар военных действий или при близости их окончания.

Подготовка информационных принципов при ведении войны зиждется на одних и тех же позициях, какой бы ни была политическая система. Все воюющие страны с самого начала немало озабочены распространением военной информации - смеси цензуры и пропаганды, которой и «обрабатывают» готовые к её приему социумы. Проблема в том, что её не так уж и много, но в какой-то степени официальная информация является вполне приемлемой, ей доверяют, и это было принято. Но опять же всё это приобретает весьма неустойчивый смысл в зависимости от времени и положения на карте военных действий. Непродолжительной войне отвечает импровизация в области надзора за общественными настроениями; более продолжительной войне теоретически всегда соответствует более плотный контроль над информацией, колебания или резкие изменения общественного мнения. Так, государство мало-помалу проводит прагматичную политику цензуры (что мы видим), пропаганды (во что мы верим), «информационные системы», которые не являются до конца осознанными и обдуманнными в начале войны,

становятся постепенно продуманными для учреждений, организаций и средств массовой информации, которые их используют. Смысл и значение этого кратко определяет французский депутат Поль Менье 21 января 1916 г. во время парламентских дебатов о цензуре, заявляя, что «информационные системы неточны и сдержаны» /1/. Бюро цензуры, организации военной и гражданской пропаганды, комиссии почтового контроля составляют национальную информационную пирамиду в той степени, в которой путем соглашений удалось в основном установить общий информационный контроль помимо военных и дипломатических аспектов. Цель - контролировать информационные потоки, иными словами, стратегический информационный продукт в зоне боевых действий и в тылу. Население, а иногда и правительство, оставшиеся без информации в первые месяцы войны, провоцируются на недовольство и на самые нелепые небылицы («немецкий снаряд не столь опасен, как кажется» /2/ пишет *Le Petit Parisien* в сентябре 1914 г.). Наоборот, многочисленные рассказы беженцев о зверствах противника по отношению к гражданскому населению, как вполне доказано, являются преувеличением: рассказы о зверствах по отношению к гражданским бельгийцам и французам севера страны появляются здесь на свет, как стихийная пропаганда. В то же время, официальные сообщения военных штабов на первых полосах газет прямо состязаются в лаконичности. «Распространять свою информацию и скрывать чужую» так о своей работе выразился автор военных коммюнике французской ставки Жан Пьеррефе /3/. Что самое главное в источниках информации так это то, что, получая военную информацию от «журналистов в форме», потом от аккредитованных, а затем от журналистов, в одиночку посетивших поля сражений, французское государство организовало полностью подконтрольные ему информационные системы. Кроме сведения в единую систему выходявшей во Франции прессы (многотиражных информационных газет, газет с более анга-

жированной позицией), власть взяла под контроль и информационное агентство Гавас. Через свои филиалы и иностранные бюро, сами связанные с агентствами дружественных стран Гавас централизует и продает обобщенную информацию, придавая ей патриотическую окраску. Ведь газеты и агентство являются коммерческими предприятиями, которые для выживания должны адаптироваться к законам рынка, не забывая при этом и о финансовых связях между прессой и властью. Как точно выразился французский историк Оливье Фуркад, «газета, получая официальные субсидии, охотнее приноравливается к правилам цензуры» /4/.

Управление общественным мнением, как при демократическом, так и при авторитарном режиме, всегда было встроено в методы французского правительства. Оно воплощено в приостановке свобод, мобилизации человеческих умов всех возрастов, патриотического согласия и коллективного повиновения и самопожертвования в социумах, отмеченными еще значительными чертами религиозности, пример - Священное единение при вхождении в войну, и всё это наперекор колебаниям и резким изменениям общественного мнения. Во вторую очередь, разрастание государственной бюрократии в военных условиях и обращение к ресурсам национальной государственной совокупности законов ограничивают реализацию гражданских свобод во время войны. Во Франции имеется закон об осадном положении 1849 г., выдвигающий на передний план центральную и федеральную власть. Начиная с августа 1914 г., в атмосфере согласия в обществе растет число организаций, связанных с печатью или с цензурой. Их последовательное создание, растянувшееся до начала 1915 г., рассматривается как временное, так как в перспективе расчет был на непродолжительную войну /5/. 1 августа 1914 г. французский премьер - министр Рене Вивиани пригласил к себе редакторов политических газет, от ультраправого М. Барреса до ультралевого Г. Эрве и попросил их забыть все счеты, помнить, что они прежде всего

французы и что им нужно взять на себя духовную мобилизацию Франции /6/. Во Франции газеты и журналисты становятся на сторону своего правительства, соглашаются на цензуру всех мастей, являя собой эталон патриотизма. Добиться победы стало лозунгом большинства из них до конца войны. Французское Бюро печати, подчиненное после своего окончательного формирования Военному кабинету министров, по-настоящему организует свою работу после возвращения правительства в Париж в декабре 1914 г. Военная цензура всецело находится в руках военного министерства страны. С сентября 1914 г. в тылу политическая цензура находится в руках полицейских префектов, а, следовательно, и министерства внутренних дел. Разработка цензурных инструкций, временных или постоянных, производится в различных министерствах. Более одной тысячи основных инструкций, не считая тысяч особых инструкций, включенных в цензурные реестры, затрагивающие все стороны жизни страны, разрабатываются во Франции во время войны. В резиденции военного правительства в Париже сосуществует параллельно с ним цензурная комиссия, утвержденная полицейской префектурой, с возложенными на неё обязанностями визировать содержание представлений, программ кабаре, театральных ревью, эстрадных песен и кинофильмов. Она занимается специфической цензурой постановок парижских заведений, вновь открытых с ноября 1914 г., и программ выступлений шансонье, карикатурно изображающих «боша». Формирование, государственное и централизованное, создается в рамках комиссий по цензуре печати под руководством бюро печати в Париже. Такие же формирования задумываются и для двадцати двух французских военных округов, образуя в стране вполне законченную географическую и административную структуру: военный округ, департамент, вплоть до армейских подразделений на местах и префектур. Всего в военное время во Франции насчитывается около 5000 цензуров /7/.

Как только война принимает позиционный характер, власть задумываются о последовательной централизации средств контроля и информации. Но затяжной характер войны формирует недоверие населения по отношению к официальной информации и к разным видам «обработки мозгов». К середине 1915 г., во Франции, информационная система усиливается путём последовательной связи цензуры, которая в первую очередь нацелена на население страны, с пропагандой, которая обращается к другим - нейтралам, желающим войти в коалицию, наконец, к противнику, на которого ей воздействовать трудно. Власть устанавливает, помимо этого, почтовый контроль в армии, цель которого двойная: знать настроения французских солдат, а также запретить на фронте распространение некоторых идей. Верховное главнокомандование Франции создаёт еще в январе 1915 г. три комиссии почтового контроля, каждая из двух-трёх членов, чтобы знать о моральном духе и сдерживать болтливость солдат. Контролёрами составляются письменные сводные доклады. Первые инструкции по почтовому контролю, датированные 1 декабря 1916 г., требуют сотрудничества с контрразведкой, выяснения разглашений, и в последнюю очередь, знания о состоянии морального духа /8/. Почтовый контроль того времени является, хоть и несовершенным, но средством наблюдения за умонастроениями, а также средством цензуры корреспонденций: чем же «дышат» фронтовики в минуты отдыха, в увольнениях, наконец, при атаках, бессмысленных и жестоких. С конца 1916 г. до декабря 1917 г. почтовый контроль осуществляется девятью комиссиями, в каждой от 15 до 25 членов (со специализированными подкомиссиями: военная корреспонденция из-за границы или за границу, из или во внутренние области, гражданская корреспонденция из или в зону армий); комиссии, соответствующие девяти армиям западного фронта, до конца войны вскрывают по 180 000 писем в неделю /9/. С 1917 г. каждый полк должен быть проверен хотя бы один раз в месяц (не менее чем по 500-та

письмам), давая материал для доклада комиссии об общем впечатлении (по рубрикам: гигиена, война, иностранные дела, тыл) и для собрания выдержек из характерных писем. Система постепенно трансформируется в систему косвенного контроля общественных настроений участников боевых действий, с целью узнать из вскрываемой переписки не только об изменениях морального духа в армии, но и нужды их семей /10/. В 1916 - 1917 гг. задача - выяснить определяющие моменты «демобилизации» (усталость, пессимизм, пораженчество, пацифизм) и бороться с ними, отфильтровывая при необходимости армейскую болтливость и паникёрские рассказы. Почтовый контроль того времени может выявлять не только «болтунов и критиканов», но и пораженческую прессу, наподобие, «La Vague» в 1916 г. или «La Bonnet rouge» в 1917 г. Анализ докладов выявляет проблему свободы цензоров в их аналитической работе, проблему самоцензуры, в конце концов, проблему искренности выражаемых редакторами человеческих чувств.

Информационные системы крупных воюющих государств, таким были созданы в определённой степени симметричными. Но среди союзников по Антанте так и не сложилось координация информационных систем. Хотя такие попытки были предприняты. В ноябре 1915 г. правительство Бриана ре-организует пропаганду из служб, находящихся в зачаточном состоянии. В дальнейшем, 5-е бюро армейской ставки координирует цензуру (на самом деле, Бюро печати находится под руководством кабинета, как секция печати при военном министре Франции) и, соответственно, пропаганду, как военную, так и экономическую, имея в виду скороспелость принятия в расчёт воюющими сторонами целей экономической войны. 1915-й год увидел построение официальной пропаганды на основе стихийной, а затем и контролируемой мобилизации части интеллигенции, артистов, учёных. Также в феврале 1916 г. Бриан создаёт Дом печати, целью которого, является донесение, уже прошедшей цензуру пропагандисткой информации, как собственному

населению, так и союзникам, нейтральных стран (враждебных или дружественных) и даже в стан врага. В северных и восточных департаментах оккупированной Франции, через голландские банки финансируется газета «La Voix du pays», которая должна уравнивать «La gazette des Ardennes», финансируемую Германией. Применяется культурная дипломатия путём финансирования издания книг и газет, которые должны подтверждать правоту национальной позиции и опровергать позицию противника в глазах нейтралов. Ставка на нейтральные страны сконцентрировала значительные пропагандистские средства, так как вхождение этих стран в войну обещало стратегические изменения: есть нейтралы «временные или выжидательные», такие как Турция, Италия, Болгария, Румыния, Греция, Соединенные Штаты; принципиальные нейтралы, такие как Швейцария, Нидерланды, скандинавские страны; «нарушенные» нейтралы, наподобие Бельгии: вторжение в неё с августа 1914 г. давало главную тему официальной пропаганде союзных стран, указывающей на несоблюдение Германией международного законодательства. В то время пропускалась только однообразная информация, во всём объёме проверяемая штабами, которые держат контроль над всем тем, что касается проведения операций, подготовленной правительством информации, иногда ценой напряженных отношений между гражданской и военной властью, когда армия полностью не привлечена к руководству страной в условиях авторитарных режимов.

Бои под Верденом и на Сомме активизируют усиление пропагандистской деятельности на западном фронте в 1916 г. Французская пропаганда, нацелена на совмещение героизации участников боёв под Верденом с более умелой цензурой, чтобы преуменьшить «спасительные» размеры только одного сражения, которое не будет последним, и устранить культовое поклонение в противовес официальным первоначальным пропагандистским действиям. Кинематографические и фотографические отображения систематически окружают официальную пропаганду того времени: кадры, смонтированные военными фотогра-

фическими и кинематографическими службами воюющих государств, удовлетворяют потребности тыла еще и в виде кинохроники. Таким образом, Верден и Сомма были изображены чудовищными сражениями. Некоторые официальные фотографии посылались в тыл каждый месяц. 21 августа 1916 г. Выходит англо-французский фильм «Сражение на Сомме», которое крутят в кинозалах до октября 1916 г. Фильм посмотрели около двадцати миллионов человек. Громадный успех фильма наглядно показывает жадный интерес в тылу к реальной информации. Это поворотный момент войны в «пропаганде через изображение».

Верден и Сомма являются также вершиной измышлений о боевых потерях. Франция тщательно скрывает от французов союзнические потери во время первого закрытого заседания Палаты депутатов, открывшегося 16 июня 1916 г. На нем депутат Андре Мажино заявил, что «Сведения о германских потерях под Верденом, предоставленные Домом печати французским газетам, тоже подвергаются цензуре: потери ниже тех, что полагали французы, и тех, что утвердило высшее французское командование» /11/. Кроме того, распространяется мнение о симметричных французских потерях, преуменьшенных высшим французским командованием /12/. Во Франции того времени целью цензуры были: продолжать подавлять волны пацифистских кампаний, а также парализовать германскую пропаганду в газетах, финансируемых деньгами из-за Рейна таких как «L'Eclair» или «La Bonnet rouge».

Формирование консенсуса и одобрение войны проходят через подавление протестов, намного более крупных, чем при организации продуманной пропаганды, начиная со второй половины 1917 г. Год «большой усталости народов» предписывает государствам усилить свою пропаганду и свою цензуру с задачей оказания поддержки тылу и фронту. Это является фазой не развития, а фазой адаптации национальных информационных систем к преодолению новых трудностей, что может стать и жизненно необходимым. Поэтому пропаганда была реорганизо-

вана во Франции в мае 1918 г. при создании Главного комиссариата пропаганды, а также при организации Центра внутренней пропагандистской деятельности против врага, руководимого комендантом Ше, под началом президиума Государственного совета. Что касается Франции, то там обход цензуры ослабляет общую эффективность контроля информации. Газеты постепенно научились избегать цензуры, публикуя частями, в другом издании, ловко перенося информацию на следующий день, если только она не появилась в другой ежедневной газете. Если газета не может основательно скрыть какое-либо национальное общественное событие, то цензура со своей стороны делит на части эти факты, сознательно перенося событие из одного департамента в другой, предупреждая таким путем волнения в национальном масштабе. Она скрывает факт на короткое время, поправляет его таким образом, чтобы он долго помнился как совсем маловероятный. Так, проходят забастовки в Париже, Изере, Ньевре, Гарде, которые в мае 1918 г. являются предметом общего замалчивания. Не желая полного и постоянного сокрытия этих забастовок, французская цензура сумела ограничить область распространения, приглушая информацию с помощью региональных инструкций по цензуре, подготовленных локальными цензурными комиссиями. С этого момента, события уже не имеют национального отклика и не могут оформляться в виде такого явления как национальное общественное мнение: одиночные группы общественности, в социальном или региональном плане, информируются одновременно. Подобное деление не допускает, чтобы полученное знание одного и того же факта могло бы быть разъединённым, не единым. Если пропагандистские действия в конце войны вызывают тошноту, то цензура как раз поддерживалась, например, во Франции до октября 1919 г., чтобы избежать русской революционной заразы, затем немецкой, чтобы ограничить слишком шумные притязания национальных меньшинств в момент мирной конференции, чтобы подготавливать, наконец, вскоре после войны выборы, без скатывания к общественным беспорядкам.

Не споткнулась ли, в конечном счёте, сила пропаганды и цензуры об противодействие социумов? Самоцензура и стихийная пропаганда социумов в военных условиях, безусловно, характеризуют Великую войну. Это время действия процессов культурной мобилизации, которая вызывает патриотические поступки, правила или нарушения социальной практики в вопросе идеальных типов женщины и мужчины. Этот целый «континент» ответов социумов культурному шоку войны - совсем другая история, чем история «изготовления» официальной информации, которая именно и вызывает наш интерес. Деятельность государства ограничивается запретами и созданием преград, она не может, конечно, творить мобилизующее содержание общественного мнения. Так что это никак не институты власти, а отдельные люди рожают темы для пропаганды. Таким образом, сталкиваемся с горизонтальным процессом создания слов, изобретением вещей, сотворением картин, выражением согласия и психологическим вкладом социумов в военных условиях. Эта совокупность поступков, чувств, референций, мысленных изображений, спаянных в боевом опыте на фронте и асимметричной мобилизации в тылу, устанавливает «военную культуру», намного больше определяющую изобретательность пропаганды, чем, собственно говоря, официальная деятельность. В каждой стране общество придумывает оригинальное изображение противника, реализуя взгляды и представления, которые являются продуктом его истории, его страхов, его снов. Эту пропаганду очень хорошо описал Ярослав Гашек в своем знаменитом «Швейке». Французская пропаганда была ничем не лучше австрийской: так, для французов немцы в объектах повседневной жизни видятся животными. Такая стихийная пропаганда не отменяет попыток воздействия официальной пропаганды, которая совершенствуется только однажды в первый год прошедшей войны. В конце концов, действительно ли скрыли от социумов в военных условиях то, что они не хотели бы увидеть? Во что заставили поверить народы и солдат, что они не хотели бы принять? Принятие военных фактов, истинных или ложных, от-

ражает способность социума брать ответственность за войну. Можно уверенно констатировать, что для большинства французов цели войны были понятны и они сознательно несли все военные тяготы.

1. Le Journal officiel de la République française. France. Assemblée nationale. Annales de la Chambre des députés. Documents parlementaires P., 1916. P. 245.
2. Le Petit Parisien, 1914, 12 septembre. P., p.1
3. Pierrefeu J. de GQG. Secteur I. Troi ans au Guarand Quartier General par le redacteur du communique. P. 1920, p. 246
4. Forcad O. Censure, opinion et secret en France//Materiaux pour l histoire de notre temps. 2000. № 58. P. 265.
5. Becker J.-J. , Bernstein S. Victoire et frustrations. P. 1990. P. 27
6. Евдокимова Н. П., Виватенко С. В. Раймон Пуанкаре - президент Франции. СПб., 2005. С. 94.
7. Forcad O. Op cit. P. 265.
8. Ibid.
9. Encyclopedie de la Grand Guerre 1914 - 1918. P. , 2004. P. 454.
10. Ibid.
11. Annalles de la Chambre des Deputes. Debats parlementaires. Session de 1916. P. 456.
12. Ibid.

Петр Самолик (Peter Samołyk)

Переселение украинского населения во Вроцлавское Воеводство в рамках "Операции Висла" 1947 г.

С конца Второй мировой войны и до падения Польской народной республики (ПНР) был распространен миф о добровольном переселении украинского населения в 1944 - 1950 гг. Как польская, так и советская историография признавала, что переселение было необходимым, что оно проводилось гуман-

ными методами и по сути было эвакуацией украинцев на родные земли. До 1989 г. исследования по этой теме практически не проводились, поскольку этому противодействовало коммунистическое правительство, проводившее политику создания этнически однородного государства. Оно не хотело поднимать те темы, обсуждение которых могло вызвать напряжение в отношениях с другими странами-участницами того же политического блока. Только в 1990-х гг. историки и СМИ обратились к этой проблеме.

Прошедшие в последние годы юбилеи переселений, таких как переселение украинцев в УССР (Украинскую Советскую Социалистическую Республику) в 1944 - 1946 гг., стали поводом для начала дискуссий по этим вопросам. Одной из наиболее противоречивых тем, вызывавших полемику в обеих странах, стала "Операция Висла". Для украинцев "Операция Висла" - это проявление враждебной, репрессивной и националистической политики Польши, в то время как поляки считают ее следствием кровавых этнических конфликтов в восточной части страны.

В настоящей статье делается попытка рассказать о судьбе переселенного в 1947 г. украинского населения, в особенности тех, кто был размещен на территории Вроцлавского воеводства в рамках "Операции Висла". Конечно, говоря о Вроцлавском воеводстве, я имею в виду его границы и административный статус на 1947 - 1948 гг., по состоянию до проведения реформы.

Общая характеристика "Операции Висла".

Переселение украинского населения на территорию УССР в 1944 - 1946 гг. не решило украинский вопрос в Польше. На территории юго-восточных воеводств сохранилось несколько центров, где проживало украинское население, избежавшее депортации в УССР. В 1946 г. количество украинцев, проживавших на территории Польши, оценивалось в 14 тысяч человек /1/. Вскоре выяснилось, что эти сведения не соответствуют дейст-